

24. 07. 1987

Вот некоторые тезисы из их выступлений (полностью из [1]):

Брюханов:

- Я, как инженер, вижу, что оперативным персоналом допущены ошибки. Какой бы сложной не была техника, человеческий разум выше. Я, как директор, виновен. Я не добился соблюдения правил ядерной безопасности. Но авария - это результат крайне маловероятного сочетания событий.

Персонал станции потерял чувство опасности, чему способствовали и недостатки инструкций, которыми мы руководствовались.

Мера партийной ответственности, которая на меня возложена, исключение из рядов КПСС, крайняя, но справедливая. Надеюсь, что приговор суда будет обоснованным и справедливым.

Фомин:

- Я признаю свою вину и глубоко раскаиваюсь. Почему я не обеспечил безопасности АЭС? Я по образованию электрик и 17 лет этим занимался. Согласившись занять должность главного инженера атомной станции, я был на краткосрочных курсах, потом самостоятельно изучал новое производство. Но из-за недостатка времени, я не смог полностью изучить все тонкости физики...

Перед аварией я более четырех месяцев после автоаварии пролежал в неподвижном состоянии. Организм сильно ослаб.

Я искренне осознал свою вину. И верю, что суд всесторонне подойдет к решению моей судьбы.

Дятлов:

- Нарушения мною были допущены не преднамеренно. Я бы не задумываясь дал команду на остановку блока, если бы видел опасность...

В силу своего гражданского, профессионального долга я не мог покинуть горящий блок. Ведь рядом были еще три работающих энергоблока. Я уверен, что если бы мы не сделали того, что сделали, то последствия аварии были бы не просто более тяжелыми, а буквально непредсказуемыми.

Я знал о высокой дозе радиационной опасности, но не знал, что она выше во много раз. Не знал я и о характере разрушений. Все это вызывает чувство глубокой горечи, скорбь о погибших и сочувствие к пострадавшим.

Рогожкин:

- Раз произошла авария, значит и я виноват. Я понес наказание. Меня исключили из рядов КПСС, в которых я состоял 22 года. Я старался делать все, передавал свой опыт коллективу, хладнокровно действовал в аварийных ситуациях.

У меня двое детей. Сын у меня медик. Узнав об аварии, он приехал, предложил свои услуги, как специалист-нейрохирург. Но это не потребовалось. И он работал в перевалочном приемном медицинском пункте.

Я не вижу доказательств своей вины. Тяжело нести наказание, если ты не понял, за что оно выносятся. Это убивает веру в справедливость, а значит, убивает и человека.

Коваленко:

- То, что произошло - печально. Прибыв на станцию, я включился в вывод людей из опасной зоны. Понимая всю безнадежность поисков пропавшего оператора Валерия Ходемчука, я все-таки надеялся на чудо. Работал в районе аварийного энергоблока, пока не покинули силы.

Помню первую ночь в московской клинике № 6, на дверях палат таблички с фамилиями наших ребят. Сами мы тогда представляли угрозу для медперсонала, как источники облучения. Разве можно такое забыть?

Мог ли я учесть, увидеть недостатки программы ночных испытаний? Трудно мне сегодня ответить. Считаю, если что-то и нарушил, то все это подходит только под дисциплинарное наказание, а не судебное.

Мог ли я предположить, что персонал может допустить нарушения утвержденной программы? Нет! Я этого не мог допустить. Ведь за первый квартал 1986 года именно наш цех занял первое место в социалистическом соревновании на АЭС, и мы получили переходящее Красное знамя.

Прошу суд учесть состояние моего здоровья, мое семейное положение, наличие несовершеннолетнего ребенка, учесть положительную оценку моей работы в прошлом.

Лаушкин:

- Я не смог бы отрицать своей вины, если бы мои действия способствовали возникновению аварии. Поэтому не из желания отрицать, а сами факты заставляют меня признать свою невиновность. В судебном заседании достаточно показана моя невиновность. Я не стремлюсь уйти от наказания, но не могу быть наказан за то, в чем не виновен и чего не мог предотвратить. Не могу быть наказан и обвинен в том, чего не совершал. Прошу вынести в отношении меня оправдательный приговор